

К северу от внешнего города Цзянье, в переулке Байшуй на Байшачжоу, гвардия Юйлин уже второй день держала в оцеплении большую усадьбу семьи Ду, состоявшую из пяти дворов. Только занимался рассвет, но зимние ночи были долгими, и вокруг всё ещё стояла непроглядная тьма. Лишь в самой усадьбе ярко горели огни. У передних и задних ворот стояли гвардейцы Юйлин в красных головных повязках и чёрных одеждах. Все выглядели сурово, поэтому жители, вышедшие поутру за водой или дровами, и мелкие торговцы обходили это место стороной. У входа в переулок стоял лоток с лапшой. Обычно его хозяин ещё на рассвете выставлял столы и скамейки, замешивал тесто, разводил огонь и принимался за работу. Сегодня же он сидел в углу, спрятав руки в рукава, и с тоской смотрел на пустую улицу. Даже отсюда, за пол-ли, всё ещё тянуло кровью.

Уезжать ни с чем торговцу не хотелось. Он мог лишь надеяться, что гвардейцы поскорее закончат дело и покинут переулок Байшуй — тогда, быть может, удастся хотя бы немного поторговать. Пока он сидел, хмурясь и размышляя о пропавшей выручке, рядом вдруг раздался голос:

— Почтенный, будьте добры, миску горячей лапши.

Перед прилавком стоял молодой гвардеец Юйлин. Как раз поднималось солнце. После долгих пасмурных зимних дней наконец выдалось редкое ясное утро. Тёплые золотистые лучи падали на его чёрно-золотое облачение, расшитое тиграми, леопардами и облачными узорами. Резкие брови и виски казались выточенными ножом, а весь облик юноши был ярким и статным. Торговец даже на мгновение растерялся, не понимая, что сияет сильнее — утренний свет или сам молодой гвардеец. Гвардия Юйлин существовала ещё со времён Ранней Хань. Из династии в династию она охраняла императора и следила за порядком в столице, полностью оправдывая своё название: «крылья государства, многочисленные, словно лес». Пусть времена нынче были беспокойными, с тех пор как знаменитый генерал Вэй Су занял должность левого командующего гвардии Юйлин, дисциплина стала особенно строгой, а репутация гвардейцев среди простого народа только улучшалась.

К тому же молодой человек улыбался приветливо и совсем не важничал. Напротив, держался тепло и просто, словно соседский сын. Одного взгляда на него хватало, чтобы невольно проникнуться симпатией. Торговец тут же расплылся в улыбке и поспешно поднялся.

— Сейчас, сейчас! Господин военный, присаживайтесь! Мой густой бульон на свиных костях — лучший во всём городе. Не пожалеете!

Конечно, какая уж там «лучшая во всём городе» лапша у простого уличного лотка. Большинство покупателей приходили сюда лишь потому, что было дёшево и сытно. Но молодой гвардеец только улыбнулся шире.

— Тогда буду ждать.

Он неторопливо сел за один из квадратных столиков. Торговец работал проворно. Вскоре перед гостем появилась дымящаяся миска. Густой молочно-белый бульон источал насыщенный

аромат. Блестящие полоски лапши были толщиной с листья шнитт-лука. Поверх зелени лежал мелко нарезанный лук, всё было полито золотистым чесночным и кунжутным маслом, а сверху добавлена ложка поджаренного до аппетитной корочки мясного соуса. Выглядело и пахло так, что рот наполнялся слюной. Молодой гвардеец провёл на ногах половину ночи и давно проголодался. Палочки в его руках замелькали с такой скоростью, будто по столу пронёсся вихрь. Он ел быстро и с удовольствием, а затем выпил бульон до последней капли. Подняв брови, он довольно улыбнулся:

— Хорош бульон. И лапша хороша. Ещё одну миску.

Торговец, видя, с каким аппетитом тот ест, тоже повеселел и поспешно приготовил вторую порцию. Молодой гвардеец казался приветливым и доступным, и в конце концов любопытство пересилило осторожность.

— Господин военный, простите старику дерзость, но в усадьбе Ду...

Гвардеец всё так же улыбался.

— Моя фамилия Лу. Я служу гунцао в Управлении Цинмин. Можете звать меня гунцао Лу.

Торговцу было чуть за пятьдесят, но тяжёлая жизнь избороздила его лицо морщинами, и выглядел он лет на десять старше. Он поспешно замахал руками, а затем нерешительно произнёс:

— Гунцао Лу, я не смею болтать попусту, но... боюсь, в доме Ду снова явил свою силу Бодхисаттва Царь Лекарств...

Гунцао Лу звали Лу Шэн. Он едва достиг двадцати лет, но уже занимал должность гунцао и был военным чиновником младшего шестого ранга. Родился он в незнатной семье, однако с детства учился наукам у наставника Шуйюэ, а военному искусству — у генерала Вэй Су. И мастерством, и кругозором он ничуть не уступал отпрыскам знатнейших родов. Страна была охвачена смутой, войны вспыхивали одна за другой, и простой народ всё охотнее верил в духов, демонов и сверхъестественное. Лу Шэн относился к подобным разговорам скептически, но улыбка на его лице оставалась доброжелательной.

— Почему вы так решили? Семью Ду вырезали целиком — погибли все пятеро. Теперь об этом говорит весь город, люди напуганы. Если бы говорили, что это дело рук демона, я бы ещё понял. Но уничтожить целую семью... какой же бог или будда станет поступать подобным образом?

Торговец посерьёзней.

— Гунцао Лу, вы многого не знаете...

Он уже собирался всё объяснить, когда за соседний стол сел ещё один посетитель. Тот снял дорожную шляпу с вуалью, осторожно положил рядом длинный тёмно-синий свёрток, который нёс за спиной, и обнажил гладко выбритую голову. Это оказался монах. Он сел боком к Лу Шэну. На вид совсем молодой, одетый в выцветшую от частых стирок толстую синюю монашескую робу, он всё же выглядел удивительно опрятно и изящно. Черты лица у него были красивыми и глубокими, глаза — непривычно светлыми, что выдавало кровь западных народов. При этом выражение лица монаха оставалось спокойным, на губах лежала лёгкая улыбка. От него веяло такой чистотой и возвышенностью, будто сам Будда держал в пальцах цветов. Даже голос торговца стал почтительнее.

— Осмелюсь спросить, почтенный наставник... что вам подать?

Молодой монах вытянул тонкие белые пальцы и положил на стол пять медных монет.

— Не смею принимать такое обращение. Подайте, пожалуйста, миску постной лапши.

Из-за непривычной внешности и монашеской одежды торговец сперва опасался, что тот пришёл просить подаяние. Увидев монеты, он успокоился, быстро собрал их со стола и отправился готовить. Буддийские монахи избегали мясной пищи. Помимо мяса и вина, им не полагалось употреблять и пять пряных овощей с резким запахом, поэтому ни зелёного лука, ни чеснока в такую лапшу добавлять было нельзя. Торговец положил побольше свежей зелени, капнул кунжутного масла, добавил соль и немного уксуса и подал всё в прозрачном овощном бульоне. Монах поблагодарил, взял бамбуковые палочки и начал есть. Его рука была тонкой и красивой, движения — неторопливыми и спокойными. Он сидел, опустив взгляд, полностью сосредоточенный на своём занятии, и даже простая еда в его исполнении напоминала медитацию.

Лу Шэн без всякого стеснения наблюдал за ним, погружившись в раздумья. Лишь когда торговец вернулся, он отвёл глаза. Вытирая стол тряпкой, старик понизил голос и заговорил о слухах, ходивших в последнее время по городу. К западу от Цзянье, на склоне Шилипо, стоял старый полуразрушенный храм, где поклонялись Бодхисаттве Царю Лекарств. Из-за войн монахи давно разбежались, и храм был заброшен уже несколько десятилетий. От главного зала осталась половина, стены осыпались, крыша провалилась, статуя была повреждена. Однако жители окрестных деревень порой всё ещё приходили туда возжечь благовония — просто ради душевного спокойствия. Четыре месяца назад в деревне Убан к западу от города обокрали богатую семью. Пропала передававшаяся из поколения в поколение золотая курильница. Хозяин сразу обвинил бедного старика Чжао из той же деревни: мол, тот украл курильницу, чтобы продать её и купить лекарства больной жене.

Старик Чжао всю жизнь прожил бедно, но честно. Разумеется, он не признал вины. Тогда богач подкупил деревенского старосту. Чжао заперли в родовом храме и подвергли самосуду. Старик был слаб и не выдержал пыток — его забили насмерть. Его жена и без того была смертельно больна. Услышав о гибели мужа, она не перенесла потрясения и вскоре тоже умерла. У супругов осталась лишь четырнадцатилетняя дочь. Девочка потеряла обоих родителей и не успела оправиться от ужаса, как семья богача потребовала, чтобы она расплатилась за «долг отца». Если не сможет возместить стоимость золотой курильницы — пусть отдаст себя и станет наложницей их сына. Искать справедливости было негде.

Ночью сирота сбежала из деревни Убан, пришла в храм Царя Лекарств, зажгла свечи и благовония, принесла подношения и, плача, поведала о своей беде. Понимая, что отомстить за родителей ей не под силу, она решила разбить голову о жертвенный стол и умереть на месте. Но тут подул странный ароматный ветер. Перед глазами у неё потемнело, и она потеряла сознание. Когда девушка очнулась, уже рассвело. Она лежала за воротами храма. Свечи и благовония догорели, а рисовые лепёшки, оставленные в дар, куда-то исчезли. Зато в деревне Убан богат, его жена и сын, а вместе с ними подкупленный староста — всего четверо — были обезглавлены. Их тела валялись вповалку на площадке для просушки зерна за деревней. Земля была залита кровью, а запах не выветривался ещё три дня.

Когда весть разнеслась по округе, все решили, что Бодхисаттва Царь Лекарств явил чудо и покарал злодеев. Несколько дней к храму стекались толпы паломников. Но затем ничего больше не произошло, и развалины снова опустели. Лу Шэн задумался. Он слышал об убийстве в деревне Убан. Новый староста сообщил властям, что семью зарезали разбойники. Пятеро членов семьи Ду тоже были обезглавлены. Головы валялись в лужах крови — зрелище было страшным. Срезы на шеех оказались ровными и гладкими: убийца обладал необычайной силой рук и превосходной техникой. Теперь выходило, что резня в Убане и убийство на Байшачжоу могли быть делом одного человека — или одной группы. Торговец, заметив его задумчивость, продолжил:

— Если бы только этот случай... Полмесяца назад в квартале Тунхуа жил учёный по фамилии Лю. Он подал жалобу на местного задиру: тот притеснял соседей и отбирал чужое имущество. В ответ его жестоко избили. Домой принесли еле живого, а через два дня он умер. Вдова Лю подала прошение столичному градоначальнику, требуя правосудия для мужа.

Лу Шэн сказал:

— Господин Сяо известен своей неподкупностью и ненавистью к злу. Он наверняка хотел добиться справедливости.

Торговец тяжело вздохнул.

— Господин Сяо, конечно, человек честный. Только человеческие силы не безграничны. Тот негодяй действовал умело и держался с шайкой головорезов. Когда они избивали учёного, посторонних рядом не было. Ни свидетелей, ни улик. Господин Сяо судил по закону и был вынужден отпустить его за недостатком доказательств.

Старик понизил голос ещё сильнее:

— Вдова Лю не смирилась. Она поступила, как дочь Чжао: взяла подношения, свечи и благовония, пришла в храм Царя Лекарств и рассказала о своей обиде. Потом бросилась головой на жертвенный стол и умерла. А через три дня тот негодяй и двое его помощников нашли смерть в глухом переулке квартала Тунхуа. Всем троим отрубили головы.

Лу Шэн наконец изменился в лице. Он положил палочки и сосредоточенно слушал. Торговец

смотрел почти благоговейно.

— Не так-то просто добиться явления бодхисаттвы. Нужна великая несправедливость... и решимость умереть.

Лу Шэн произнёс:

— Если без этих двух условий чудо не происходит, значит, и за уничтожением семьи Ду должен стоять кто-то, кому причинили тяжёлую обиду.

Торговец снова вздохнул.

— Конечно.

Семья Ду держала трактир и считалась в переулке Байшуй довольно зажиточной. После смерти старой матери остались две семьи — старшего сына Ду и младшего. Старший Ду был ловок в делах и сумел хорошо поставить торговлю. Младший же и его жена были людьми простыми и честными. Когда родители умерли и старший брат стал главой семьи, у его ветви постепенно появилось желание прибрать трактир целиком к рукам. Младшего Ду с женой изводили до тех пор, пока оба не умерли. От них остался только сирота Ду Гао, которому приходилось терпеть бесконечные лишения. Соседи возмущались, но ничего не могли сделать. Даже если кто-нибудь пытался вступить за мальчика, жена старшего Ду тут же набрасывалась с бранью, и людям оставалось лишь сердиться про себя.

Около двух дней назад Ду Гао исчез. Сначала соседи гадали, не погиб ли мальчик или не продала ли его семья дяди куда-нибудь подальше. Но теперь всё выглядело иначе: возможно, Ду Гао отправился в храм Царя Лекарств и принёс в жертву собственную жизнь, чтобы отомстить за родителей. И вот спустя два дня бодхисаттва вновь «явил чудо». Старший Ду, его жена, двое сыновей и дочь — все пятеро были убиты. Закончив рассказ, торговец протяжно вздохнул. В его голосе слышалось даже облегчение.

— Всё-таки бодхисаттва не оставил злодеев без наказания.

Лу Шэн постукивал согнутым пальцем по столу. Его прямые брови постепенно сходились всё ближе. Наконец он не выдержал и с улыбкой сказал:

— Монахи монастыря Синшань всё время говорят о спасении людей и наставлении их на путь добра. Буддизм учит милосердию — едва ли истинный будда станет так легко отнимать жизни. Почтенный, убийство остаётся убийством. Это не деяние бога и не добрый поступок. Не позволяйте подобным вещам вас обмануть.

Торговец побледнел. Он поспешно сложил ладони и несколько раз поклонился небу.

— Гунцао Лу! Осторожнее, осторожнее с такими словами! Над головой у каждого человека стоят духи...

Лу Шэн понимал, что старик говорит из лучших побуждений, и уже собирался его успокоить, когда вдруг раздался тихий звук циня. Мелодия была подобна ветру, проходящему по верхушкам леса, или дождю, стучащему по банановым листьям. Лу Шэн умолк и вместе с торговцем повернул голову на звук.

<http://bllate.org/book/22499/2375493>